

---

¹ См., например: Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984; Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII века / Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С.36-48; Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII - начала XIX в. // Вопросы истории, 2011, № 06. С. 27-42.

² Проект о учреждении порядков следующих к правосудию // Ф.1274.Панины – Блудовы. Оп. 1. Ед.хр. 977.

³ Там же. Л. 2-об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6-об.

⁶ Там же. Л. 22-об.

⁷ Там же. Л. 27 – 27-об.

⁸ Там же. Л. 35-об – 37.

⁹ Там же. Л. 46.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 10-об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.51.

¹⁴ Этим различием я обязан блистательному анализу Д. Кристиана (Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // Russian Review, Vol. 38, No. 3 (Jul., 1979). Pp. 298-322). Кристиан считает, что попытки Сената усилить свою роль в государственной структуре при Александре I являются не проявлением стремления к «правлению закона» и ограничению абсолютизма в политико-правовых рамках конституционализма, а желанием сенаторов монополизировать доступ к абсолютной власти государя – ключевому властному ресурсу.

А. В. Емельянова

МЕМУАРЫ О РОЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ В ДОМАШНЕМ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ В РОССИИ XVIII в.

Реформы Петра I, заложившие основы организации сети школ для обучения детей духовенства под контролем государства и провозгласившие обязательность обучения детей духовного сословия в этих школах, способствовали тому, что в России увеличился слой образованных священно и церковно-служителей. Они нередко выступали в роли домашних учителей в семьях дворян или купцов или открывали школы грамоты, куда родители отдавали детей для овладения чтением и письмом.

Традиционное мнение о роли представителей духовенства в образовании других сословий выразил В.О. Ключевский своей статье «Образование

и воспитание дворян»: «Казенных школ было мало или до них было далеко. Дворяне-родители должны были пробавляться подручными домашними средствами педагогики, о которых очень много занимательных и характерных известий сообщают в своих записках пользовавшиеся ими дворяне XVIII в. Обыкновенно первоначальным учителем дворянина средней руки был сельский грамотей-пономарь или заштатный поп. В руках этих наставников розга была самым надежным педагогическим средством, лучше сказать, заменой всякой педагогики. Здесь учили читать по Часовнику и Псалтирю и реже кое-как писать»¹.

Рассмотрим, как это явление отражается в мемуарах, авторы которых затронули вопрос о домашнем обучении или получении основ грамоты в школах, открытых священниками или церковнослужителями в XVIII в. Из 86 выявленных нами воспоминаний, информация об этом присутствует всего в 14. Авторами воспоминаний являлись дворяне, одно воспоминание написано уральским купцом.

Из «Записок» майора артиллерии М.В. Данилова, родившегося в семье бедного дворянина, отставного капрала Преображенского полка, мы узнаем, что в 1729 г. 7-летний Михаил вместе с двумя двоюродными братьями был отдан учиться русской грамоте в домашнюю школу к пономарю Филиппу Брудастому в селе Харино Тульской губернии. Автор приводит очень яркие сведения о буднях этой школы, методике обучения, применяемой пономарем, наказаниях за плохое усвоение знаний.

Учеба начиналась рано утром и продолжалась весь день с перерывом на обед, а вечером дети отвечали урок. Ученик «без молитвы дверей отворить, покуда не скажут ”аминь”, не смел». Урок затверживали наизусть, но, так как детям весь день приходилось сидеть в «весьма малой избушке», они «от такового всегдашнего сидения ослабевали, голова делалась беспамятна и все, что выучили прежде наизусть при слушании урока, в вечеру и половины прочитать не могли». За это детей часто «секли лозою», поскольку считалось, что «при учении терпеть надлежит наказание»². Примечательно, что обучались у простого пономаря дворянские дети, проживавшие в своих поместьях.

Генерал-майор С.И. Мосолов, родившийся в 1750 г. в селе Апушке Шацкого уезда Тамбовской губернии в семье отставного капитана артиллерии, учился читать и писать у дьячка приходской церкви Казанской Богоматери³. Е. А. Сабанеева сообщает о своих предках Прончищевых: в 1750-е гг. в селе Багимово близ Калуги воспитывавшая племянника тетка наняла дьячка и ради «преуспевания в науках» пригласила ему в товарищи сына соседа⁴. В те же годы в семье отставного секунд-майора учился у местного пономаря в деревне Гдовского уезда будущий сенатор В.С. Хвостов⁵.

Граф, генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский, происходивший из семьи дворянина польского происхождения, чиновника дворцовой канцелярии, писал в своих «Записках», что в 1770-х гг. первым его учителем в поместье отца в Ухотской волости был бывший священник⁶. Черноморский казак И. Мигрин, родившийся в 1770 г. в семье поручика в местечке Ирклеве Полтавской губернии Золотоношского уезда, обучался грамоте под руководством приходского дьячка в доме родителей⁷.

Острая нехватка учительских кадров в провинции заставляла родителей отдавать детей на обучение к дьячкам, имевшим слабую подготовку. Так, действительный статский советник В.Н. Геттун вспоминает: в 1776 г. в селе Лобки Погарского повета в возрасте шести лет «...отдали меня к лобковскому церковному дьячку учиться русской грамоте; но в 1779 г., по неудовольствию на лобковского дьячка и по рекомендации отдали меня учиться к дьячку церкви села Суходолья»⁸. Декабрист В.И. Штейнгель, сын капитана исправника, немецкого барона, в 1790 г. в возрасте 7-ми лет был отдан на обучение чтению и письму безграмотному дьячку в Тигильской крепости в Сибири⁹.

Судя по мемуарам, церковнослужителей использовали в качестве учителей грамоты дворяне и в условиях города. Домашний учитель Г.С. Винский, родившийся в 1752 г. в семье мелкопоместных украинских дворян в городе Почепе на Украине, обучался грамоте в приходской школе в Баклани: «...дом наш был насупротив церкви Св. Николая, школа принадлежавшая ей, находилась через дорогу, что в сей школе жил дьяк, к которому меня водили, который однако, чему и как учил меня не помню; но что часто и больно ссекал меня, особливо по субботам, сие помню...»¹⁰. В «Записках» генерал-майора Л.Н. Энгельгардта сообщается, что в 1775 г. в Витебске его в возрасте 9 лет обучал русской грамоте дьячок униатской церкви, к которому мальчик сам ходил домой и «едва в два года выучился порядочно читать»¹¹. Более того, в Санкт-Петербурге, в 1770-е гг. в семье инженера-генерала (!) сына, будущего сенатора и военачальника С.А. Тучкова, начальной грамоте обучал дьячок¹².

В мемуарах имеются интересные сведения об обучении детей, как мальчиков, так и девочек, в пансионах при монастырях, которые организовывали сами священнослужители. Будущий профессор Харьковского университета И.Ф. Тимковский, родившийся в 1773 г. в городе Переславле Киевской губернии, писал в своих «Записках», что в конце 1770-х гг. он был отдан на обучение в Золотоношский женский монастырь вместе со старшей сестрой Татьяной и двоюродными братом и сестрой: «У монахини Варсонофии мы составили род пансиона. Она была из дворянок, уставщицею правого клироса, высокая, смуглая, суровая и только свыше наблюдала за нами. С нею жила другая монахиня Ипполита, племянница её, тоже грамотная, среднего росту,

лет 28, цветная блондинка, трудолюбивая и веселая, но которую тетка имела охоту бранить вседневно. Та ходила за нами и учила».

В памяти Тимковского ярко запечатлелось умение монахини Ипполиты искусно звонить в колокола: «В деле своем она была крилошанкою, гладко читала проповеди; и что больше занимало нас, она в колокольне на столпах так искусно подзвоны выбивала неровными молоточками в висящую на двух цепях, концами книзу, бронзовую полукруглую доску, скоро, протяжно, сильно, тихо, то поводит, то дробит,— что нам казалось, она играет и поет. Мы всякий раз туда сбегались, от приятности смеялись». Автор отмечает особо теплую обстановку обучения в монастыре: «В области их было две груши, десяток вишней и небольшой цветник с пахучими травами, а за ними к стене деревянной ограды на тычках тенисто висели коралевый цвет, крученые паничи и сахарный горох. Там на глазах нашей Политы, за шитьем и пряжею, мы учились привольно. Родные часто нас навещали, привозя лакомства. Раза 2 или 3 и домой брали нас на дни праздничные. Вся отлучка наша от дому продолжалась до осени»¹³.

Мемуары отражают характерную для XVIII в. практику объединения нескольких семей для найма учителя, использования более широких финансовых возможностей родственников для определения в их семью детей менее состоятельных родителей. И.Ф. Тимковский отмечает, что через некоторое время, когда в дом дяди приехала дальняя свойственница из Киева, монахиня Иорданского монастыря Анфиса, ей отвели большую комнату для проживания, и всех «четверых отдали ей в науку читанья»¹⁴. Дети учились читать по молитвеннику с канонами. Девочек она обучала шитью «гладкому и узорному, белому и цветному».

Через полгода отец отдал Илью в школу к дьяку Василию, которая располагалась близ церкви в доме самого дьяка. В светлой комнате стояли три длинных стола, которые составляли род класса: Букваря, Часослова и Псалтыря. Учеников в школе было 30-40 человек, причем занимались не только мальчики и подростки, но и взрослые. Писать учились разведенным мелом на опаленных деревянных разлинованных черных дощечках, потом — чернилами на бумаге. Существовал особый класс церковного пения. За каждый класс отцы школьников платили натурою и деньгами. Автор «Записок» интересно описывает ритуал окончания каждого класса: ученик приносил в школу горшок с кашей, покрытый платком. Дьяк снимал платок и забирал себе, кашу съедали школьники, а пустой горшок разбивали палками неподалеку на пустыре¹⁵.

Нередко в качестве учителей выступали родственники церковнослужителей. Так, в 1779 г. будущий новгородский губернатор, сенатор Н.Н. Муравьев учился русской грамоте у молодого сына дьячка села Пересодольского Псковской губернии. Ему больше всего запомнилась методика обучения азбуке: «Мне дали в руку известного вида деревянную, из лучинки, указку, и я должен был повторять за учителем моим: аз, буки, веде

и пр. Головку указки должно было поместить между указательным и вторым перстом и придерживать ее к ним большим перстом, кончиком ее указывать буквы, произнося их значительное наименование <...>. К пяти годам мне сделали повышение в моей мудрости, заставив прежде опять креститься и кланяться перед образами. Я начал тогда учиться читать церковную печать псалтырь царя Давида»¹⁶.

Если Н.Н. Муравьева обучал сын дьячка, то Д.Е. Смышляева, сына соликамского купца, в 1785 г. в возрасте 5-ти лет отдали «в выучку семидесятилетней деве, пономарской дочери Александре Ивановне»¹⁷. У нее мальчик обучался грамоте полгода. В возрасте 7-ми лет Д.Е. Смышляев был отдан в школу, учителем в которой был Дмитрий Петрович Попов – обучавшийся в Вятской семинарии – «человек усердный и строгий». В школе 120 учеников обучались чтению, письму и арифметике. Автор «Записки» вспоминает: «У учителя нашего была медная указка, коею он бил лентяев и ослушников по головам; в том числе и мне доставалось: как хватит по голове, то искры посыплются, и голову в кровь раскроит. Столь же часто ставил нас на горюх, на колени, на несколько часов»¹⁸. Учитель «был страстен к итальянскому пению» и потому завел хор, который выступал в церкви на клиросе по праздникам. В 1798 г. умер отец Дмитрия и обучение в школе закончилось.

Как видим, изучение информации, имеющейся в мемуарах, подтверждает вывод нашего выдающегося историка В.О. Ключевского: в роли учителей начальной грамоты в условиях редкой сети государственных школ в России XVIII в. подвизались отставные священнослужители, дьячки, сами небольшие грамотеи; процесс овладения грамотой затягивался во времени. В памяти авторов мемуаров ярко отложились переживания, связанные с применением наказаний со стороны учителей, слова благодарности отсутствуют. Воспоминания об обучении лишены радости или какого-либо теплого чувства. Хорошие отзывы — исключительны — пожалуй, лишь И.Ф. Тимковского.

---

¹ http://krotov.info/library/11_k/lu/chevsky_18.htm#8

² Данилов М.В. Записки // Русский архив. 1883. № 3. С. 21.

³ Мосолов С.И. Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 124-173.

⁴ Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом: из семейной хроники 1770-1838. М., 2011. С. 17.

⁵ Хвостов В.С. Записки // Русский архив. 1870. Кн. 1. Вып. 3. Стб. 552.

⁶ Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. 176 с.

⁷ Мигрин И. Похождения или история жизни Ивана Мигрина // Русская старина. 1878. Т.23. № 9. С. 1.

⁸ Геттун В.Н. Записки собственно для моих детей // Ист. вестник. 1880. Т. 1. № 1. С. 28.

⁹ Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 72.

-
- ¹⁰ Записки Григория Степановича Винского // Русский архив. 1877. № 1. Вып.1. С.81.
- ¹¹ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 17.
- ¹² Тучков С.А. Записки 1766-1808. М., 2011. С. 14.
- ¹³ Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский архив. 1874. № 1. Вып. 6. Стб. 1383-1384.
- ¹⁴ Там же. Стб. 1385.
- ¹⁵ Там же. Стб. 1387.
- ¹⁶ Муравьев Н.Н. Припоминания мои с 1778 г. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып.2. Новгород. 1909. С. 4.
- ¹⁷ Смышляев Д.Е. Записка, найденная в бумагах покойного купца Смышляева // Пермский сборник. М, 1860. С.ХХVIII.
- ¹⁸ Там же.

А. Н. Зленко

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕУКРАИНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХИ

Книжное дело, как один из признаков уровня культуры народа, никогда не возникало спонтанно. Этот процесс зарождался и развивался медленно, для этого нужны были определенные обстоятельства и условия. В этом контексте стоит опровергнуть один из мифов, в котором утверждалось, что истоки украинской рукописной книги следует изучать с начала XI в., то есть со времени принятия христианства. В том, что это не так, убеждают новые свидетельства, гипотезы и открытия, сделанные отечественными и зарубежными исследователями. Аргументами относительно существования на украинских просторах рукописного и книжного дела задолго до введения князем Владимиром христианства ныне выступают: пиктографические тексты в пещерах и гротах святилища «Каменная Могила» в Запорожье; «Велесова книга»; древнеукраинские книги, показанные миссионеру Кириллу в Херсонесе 860 году; реконструированный рукописный памятник IX в. «Летопись Аскольда».

Неподалеку от Мелитополя находится памятник природы и человеческой цивилизации, издавна прозванный в народе «Каменная Могила». Теперь это Государственный историко-археологический музей-заповедник. Мировую славу этому каменному острову в приазовской степи принесло открытие археологами коллекции надписей на каменных плитах в больших пещерах и гротах, возраст написания которых датируется VII - III тыс. до н. э. Таких пещер и гротов выявлено более 60, а в них – около 150 текстов, написанных пиктографическим письмом. По свидетельству ученых,